

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ДЭВИД ВИНСЕНТ

ИСТОРИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Культура повседневности

Дэвид Винсент

История одиночества

«НЛО»

2020

УДК 930.85:159.974
ББК 71.061.1

Винсент Д.

История одиночества / Д. Винсент — «НЛО», 2020 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-482069-8

В период с XVIII по XXI век отношение к одиночеству менялось не раз: в нем видели то источник блаженства и самопознания, то опасную патологию, а в последние десятилетия в некоторых странах стали с тревогой говорить о наступившей «эпидемии одиночества». Чтобы понять исторические предпосылки данного социального феномена, историк Дэвид Винсент предлагает взглянуть на него с культурной и социологической точек зрения. Что такое одиночество и чем оно отличается от уединения? Как церковные и государственные институты пытались взять его под свой контроль? Какую роль в формировании новых представлений об одиночестве сыграли секуляризация общества и урбанизация? Книга знакомит с историей многих мест и практик добровольного и вынужденного уединения – от монастырей до одиночных камер, от кругосветных плаваний в одиночку до замкнутых «пузырей», в которые сегодня погружают человека смартфоны и наушники... Дэвид Винсент – историк, PhD, преподает в Открытом университете (OU) и университете Кила.

УДК 930.85:159.974

ББК 71.061.1

ISBN 978-5-44-482069-8

© Винсент Д., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

Слова благодарности	6
1. Введение: Исследованное уединение	8
«Циммерман об уединении»	8
Современная история уединения	22
Скачки «Талли-хо»	31
2. «С одиночеством пойду»	32
Клэр, Китс и одиночество	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дэвид Винсент

История одиночества

Памяти Вероники Уидон (1919–2017)

Слова благодарности

Как и всякое историческое исследование, эта книга – плод уединенного труда и коллективной поддержки. Прежде всего я благодарен Барбаре Тейлор – как за создание финансируемого международного проекта по изучению истории одиночества, так и за ее знания и опыт, которыми она щедро со мной делилась. Исследование по одиночеству в раннее Новое время, над которым она работает, станет важным дополнением к моим разысканиям, а цикл семинаров «Патологии одиночества» с ее участием послужил мне прекрасной площадкой для проверки собственных идей и выводов. Коллективную помощь обеспечил мне и Джон Нотон – в рамках проектов, осуществленных Центром исследований в области искусства, социальных и гуманитарных наук (CRASSH) при Кембриджском университете. Я очень обязан его поддержке, гостеприимству и безграничным познаниям в области цифровой революции и ее последствий, а участников проектов CRASSH благодарю за увлекательные и познавательные дискуссии. Черновые варианты глав этой книги прочли и прокомментировали мои коллеги из Открытого университета, которых я благодарю за эту экспертизу – особенно Аманду Гудрич, Роз Кроун и Джона Вольфа. Много дало мне общение с Патриком Джойсом, Лесли Хоусам, Кэтрин Хьюз и Изабель Риверс. Эндрю Маккензи-Макхарг и Энн Вила помогли мне понять Иоганна Циммермана и его работы. Клодия Хаммонд поделилась материалами, относящимся к ее впечатляющей работе с Би-би-си и фондом Wellcome Trust. Работа над этой книгой обсуждалась в компании Бренды и Джеймса Гурли, а также Сейи и Грэма Тэттерсол; все они были очень добры ко мне. Моим терпеливым критиком, как и всегда на протяжении уже многих лет, была Шарлотта Винсент: она обсуждала со мной идеи, высказанные в книге, помогала в работе над ней и внимательно прочла ее, чтобы удостовериться в точности и ясности изложения. Завершением этого проекта я во многом обязан упорному энтузиазму редактора издательства Polity Паскаля Поршерона. Всяческих похвал достойна тщательность технического редактора Джастина Дайера.

Изыскания для этого проекта велись в тишине отделов редких книг Британской библиотеки и библиотеки Кембриджского университета, сотрудников которых я благодарю за терпение и помощь. Как-то раз, в один из Дней перемирия¹, на который пришлось начало моего проекта, в отделе редких книг кембриджской библиотеки читатели слышали по громкой связи парадоксально невыполнимую просьбу почтить молчанием павших. Даже в библиотечной тиши уединение подлежит управлению.

Местом же непосредственного написания книги стал переоборудованный свинарник в моем саду. Двадцать шагов от письменного стола до дома, от пребывания наедине с собой до общества жены и, от случая к случаю, компании детей, внуков и друзей... Возможность такого перемещения из одного места в другое, от продуктивного уединения к активному общению – подлинный подарок судьбы.

Я посвящаю «Историю одиночества» Веронике Уидон (в девичестве – Мор), с которой имел счастье быть связанным родственными узами – через мою жену. После богатой событиями

¹ Отмечается 11 ноября в память о подписании Компьенского перемирия, с которым завершилась Первая мировая война. – Примеч. ред.

ями военной службы, частью которой была работа в Блетчли-парке, Вероника вышла замуж и завела семью, но рано овдовела. На протяжении следующих почти шестидесяти лет ее жизнь (а последние годы она провела в горной деревушке на Майорке) была образцовым примером того, как нужно соблюдать баланс между собственной компанией и широким кругом родственников, друзей и сторонних интересов. Она была прекрасным читателем и, в свою очередь, автором четырех книг, первую из которых опубликовала в возрасте восьмидесяти пяти лет. Надеюсь, эта книга ей понравилась бы.

Шравардин, осень 2019 года

1. Введение: Исследованное уединение

«Циммерман об уединении»

В 1791 году в Англии был опубликован первый за четыре с лишним века всесторонний анализ одиночества – «Уединение, исследованное с учетом его пагубного влияния на разум и сердце». Это был сокращенный перевод четырехтомного трактата «Об уединении» («Über die Einsamkeit»), который в 1784–1785 годах написал Иоганн Георг Циммерман, лечащий врач Георга III в Ганновере, а ранее – Фридриха Великого. Всеобщего признания книга не снискала. «Трехсотвосемидесятистраничный опыт об одиночестве, – недовольно ворчал *Gentleman's Magazine*, – требует едва ли не одиночного заключения для его прочтения»². Но все же нашлось немало тех, кто был готов принять вызов и купил книгу. Это был мгновенный издательский успех, породивший появление новых изданий и переводов на протяжении 1790-х годов и ряд перепечаток в первой трети следующего столетия³. «Циммерман об уединении», широкодоступный в букинистических лавках, стал неотъемлемой частью литературного обихода модернизирующегося общества⁴.

Предмет исследования был по сути своей спорным. «Много есть мнений об одиночестве, – отмечала в своем отклике *Critical Review*. – Одни видят в нем источник всякого человеческого превосходства и благополучия, другие – грозу талантов и причину тревог; о тех же, кто переносит его с легкостью, говорят, что они выше или, наоборот, ниже общечеловеческой нормы»⁵. Ранние английские переводы книги Циммермана, в которых критика одиночества была во многом опущена, привели к распространенному заблуждению, будто книга эта – похвала уединению, и только⁶. Однако основательно аргументированный трактат Циммермана представлял собой гораздо более сложный документ. На протяжении всей книги автор обдумывал задачу по уравниванию «всех удобств и благ общества» со «всеми преимуществами уединения»⁷. Ни тот ни другой образ жизни не достаточен сам по себе и не защищен от разрушения своей противоположностью. «Стоит лишь внимательно рассмотреть пагубное действие уединения в монастыре или пустыне, – писал Циммерман, – и мы отпрянем в ужасе от этого прискорбного и противного зрелища; мы придем к полному убеждению, что пусть надлежащее состояние человека и не заключено в случайных и беспорядочных взаимодействиях с миром, но еще меньше исправляет он определенные его положением обязанности в случае варварского, упрямого отречения от общества»⁸.

² The *Gentleman's Magazine*. 1791. Vol. LXI. № 2. P. 1215.

³ *Rousseau G. S. Science, Culture and the Imagination: Enlightenment Configurations* // The Cambridge History of Science / Ed. R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Vol. 4. P. 768.

⁴ *MacPherson J. The Spirit of Solitude: Conventions and Continuities in Late Romance*. New Haven: Yale University Press, 1982. P. 56.

⁵ *Zimmerman on Solitude* // The *Critical Review*. 1791. № 3. P. 14.

⁶ В основу первых английских изданий лег отредактированный перевод французского перевода, автор которого, Ж. Б. Мерсье, опустил восемь глав с критикой одиночества. Они были включены в полную версию 1798 года, которую мы здесь и используем. См.: *Advertisement* // *Zimmerman J. Solitude Considered with Respect to its Dangerous Influence Upon the Mind and Heart*. L.: C. Dilly, 1798; *Wilkens F. H. Early Influence of German Literature in America* (Reprint № 1, Americana Germanica, III, 2). L.: Macmillan, 1900. P. 49–50; *Vila A. Solitary Identities: Perspectives on the «Contemplative» Life from 18th-Century Literature, Medicine, and Religion* (France, Switzerland) – доклад, прочитанный 18 июля 2019 года на конгрессе Международного общества исследователей культуры XVIII века в Эдинбурге. Благодарю Энн Вила за консультацию по изданиям.

⁷ *Zimmerman J. Solitude...* P. 316.

⁸ *Ibid.* P. 88.

Надлежащее состояние человека и составляет предмет нашего исторического исследования. Наша цель – понять, как на протяжении двух последних столетий люди вели себя в отсутствие какой-либо компании. Трактат Циммермана – это промежуточный пункт в долгом споре об активной общественной жизни и отстранении от нее – споре, уходящем корнями в античные времена и ставшем вновь актуальным в нашу эпоху⁹. Сегодняшнее беспокойство по поводу «эпидемии одиночества» и о судьбе межличностных отношений в цифровой культуре – не что иное, как переформулирование дилемм, обсуждавшихся в стихах и прозе на протяжении более чем двух тысячелетий. Выбирая тему для своего *magnit opus*’а, – а это был расширенный вариант написанной в 1755–1756 годах работы, – Циммерман не претендовал на оригинальность. Он опирался на ряд авторитетных источников, прежде всего на трактат Петрарки «Об уединенной жизни», написанный между 1346 и 1356 годами и лишь век спустя изданный в виде книги¹⁰. Петрарка дискутировал с ранне- и дохристианскими авторитетами, а Циммерман, в свою очередь, стремился не изобрести тему заново, а перефокусировать ее. Он был швейцарским немцем, его мать говорила по-французски; он много читал по-английски и на своих родных языках и был хорошо знаком со множеством трактовок этой темы в романах и стихах XVIII века¹¹. Его книга быстро переводилась на другие языки, потому что и предмет обсуждения, и очевидный его контекст были знакомы любому образованному европейцу того времени. Книга находилась в центре одних из самых долгих в западной культуре дебатов, а вместе с тем являла собой критическую реакцию на свое время – эпоху небывалых перемен. Циммерман был глубоко погружен в городское буржуазное общество, которое тогда начинало осознавать себя как историческую силу, а в конце жизни стал свидетелем Великой французской революции, разразившейся по другую сторону от его родных Юрских гор.

Точкой отправления и возвращения было в «Уединении...» то, что Циммерман назвал «социальным и либеральным общением» (*social and liberal intercourse*)¹². Несмотря на свою симпатию к уединению, он приветствовал просвещенческую установку на социальный обмен – двигатель культурного и интеллектуального прогресса. Как один из ведущих практикующих врачей Европы, он по долгу службы должен был физически взаимодействовать с пациентами. Теоретических объяснений, найденных и развитых в кабинетной тиши, было недостаточно. Эффективное лечение болезни требовало непосредственного наблюдения и накопленного практического опыта¹³. Акцент Циммермана на социальных контактах представляет собой описание его собственных методов и достижений:

Лучшие и мудрейшие из моралистов всегда стремились быть среди людей – для того чтобы увидеть все способы жизни, изучить добродетели и обнаружить пороки, каждому из них присущие. Именно тому, что их изыскания и опыты о людях и нравах были основаны на фактических наблюдениях, были обязаны они успехом, которым увенчались их добродетельные усилия¹⁴.

Наблюдения Циммермана были подкреплены двумя успешными браками и растущей мировой славой. «Любовное общение, – писал он в начале «Уединения...», – это неиссякаемый источник радости и счастья. В выражении чувств, в изложении мнений, во взаимном

⁹ Lepenies W. *Melancholy and Society* / Transl. J. Gaines, D. Jones. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 62.

¹⁰ См.: Petrarch F. *The Life of Solitude* / Transl. J. Zeitlin. [Urbana]: University of Illinois Press, 1924. Вдохновившись успехом «Уединения...» Циммермана, одно из выпускавших его издательств – Vernor & Hood – опубликовало в 1797 году новый перевод трактата Петрарки. См.: The Times. 1797. 7 Apr. P. 2.

¹¹ Tissot S.-A. *The Life of Zimmerman*. L.: Vernor & Hood, 1797. P. 3–10.

¹² Zimmerman J. *Solitude*... P. 66.

¹³ Rousseau G. S. *Science, Culture and the Imagination*. P. 768.

¹⁴ Zimmerman J. *Solitude*... P. 75.

обмене мыслями и ощущениями заключено сокровище наслаждения, о котором постоянно вздыхают одинокий отшельник и даже сердитый мизантроп»¹⁵. С интеллектуалами из разных концов Европы, с которыми он работал и переписывался, Циммерман разделял просветенческое убеждение, что человеческая природа по сути своей социальна и что все иные образы жизни – это либо отклонение, либо временная передышка от стремления к личному удовлетворению и коллективному прогрессу¹⁶. «Уединение делает сердце бесчувственным, – отмечает он в сборнике «Афоризмы». – Что в нем жалеть или лелеять? Оно не заботится ни о чем, кроме себя самого; в нем его заботы берут начало, на нем же и кончаются. *Solitaire* не ведает человеческой природы. А без нее и всех тех дорогих забот, что она в себя включает, – в чем ценность жизни?»¹⁷ Этот предмет обсуждался в «Энциклопедии» Дидро. Картезианцам следует отдать должное, но их образ жизни принадлежал к гораздо более ранним векам церковных гонений. Времена изменились. «В нашу безмятежную эпоху, – гласит «Энциклопедия», – по-настоящему сильная добродетель – та, что смело преодолевает препятствия, а не та, что бежит от них. ... *Отшельник* – по отношению к остальному человечеству – словно неодушевленное существо; его молитвы и его созерцательная жизнь, которой никто не видит, не имеют ни малейшего влияния на общество, которому нужны примеры добродетели перед глазами, а не в глуши лесов»¹⁸.

Долг и личная выгода, объединившись, вытеснили уединение на обочину полезного существования. Современник Циммермана Кристиан Гарве, влиятельный пропагандист немецкого Просвещения, резюмировал этот подход такими словами: «В общем и целом и по природе вещей, общество, как представляется, создано для жизни здоровой, бодрой и полной развлечений; уединение же, напротив, видится естественной гаванью для дряхлых, больных и печальных»¹⁹. У этого подхода были свои классические прецеденты, однако не столь давние авторитеты, с которыми дискутировал Циммерман, придерживались иного мнения. Петрарка бежал от порочности и хаоса городской торговли: «Истина же, – заключал он, – очевидно, одна: всякий занятый несчастен...»²⁰ В конце XVI века Монтень в опыте «Об уединении» выдвинул сугубо светский довод в пользу ухода от тягот деятельной жизни. Он дал ряд рекомендаций для достижения уединенной самодостаточности: «А раз мы собираемся жить одиноко и обходиться без общества, сделаем так, чтобы наша удовлетворенность или неудовлетворенность зависели всецело от нас; освободимся от всех уз, которые связывают нас с ближними; заставим себя сознательно жить в одиночестве, и притом так, чтобы это доставляло нам удовольствие»²¹. Монтень мыслил уединение не как приостановку участия в общественной жизни, а как его окончательное прекращение.

К концу XVII века рост процветания и влияния класса торговцев нашел отражение в появлении новых акцентов в давних дебатах о противоборствующих достоинствах действия и созерцания. Джон Ивлин, умевший в своей частной жизни находить время для отдыха и размышлений, выступил в защиту социального взаимодействия как в деловой жизни, так и в

¹⁵ Ibid. P. 2.

¹⁶ Klein L. E. Sociability, Solitude, and Enthusiasm // Enthusiasm and Enlightenment in Europe, 1650–1850 / Eds L. E. Klein, A. J. La Vopa. San Marino, CA: Huntington Library, 1998. P. 155–156.

¹⁷ Zimmerman J. Aphorisms on Men, Morals and Things: Translated from the Mss of J. G. Zimmerman. L.: Vernor & Hood, 1800. P. 40–41.

¹⁸ Diderot D. Encyclopédie (1765). Vol. XV. P. 324. См. также: Sayre R. Solitude in Society: A Sociological Study in French Literature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 49.

¹⁹ Цит. по: Lepenies W. Melancholy and Society. P. 65.

²⁰ Petrarch F. The Life of Solitude. P. 125. [Петрарка Ф. Об уединенной жизни. Кн. 1 / Пер. Н. И. Девятайкиной и Л. М. Лукьяновой // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. М.: РОССПЭН, 1998. С. 80. – Здесь и далее добавления к примечаниям в квадратных скобках принадлежат переводчику.]

²¹ Montaigne M. de. The Complete Essays / Transl., ed. M. A. Screech. L.: Penguin, 2013. P. 269. [Монтень. Об уединении / Пер. А. С. Бобовича // Монтень. Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1. С. 219.]

религии – в ответ на провокационную статью шотландского адвоката Джорджа Маккензи²². В «Занятости населения и предпочтении активной жизни уединению» он возражал против крайних форм духовного и светского отстранения. «Конечно, – писал он, – знающие цену себе или своему труду могут найти себе *полезные развлечения* – не *удаляясь в глушь*, не погружаясь в себя, не отвергая мира и не оставляя *общественных дел*»²³. Свободный обмен мнениями – вот движущая сила как личного, так и коллективного богатства. «Ибо, поверьте, – настаивал он, – *умнейшие люди* становятся таковыми не в *спальнях и кабинетах*, заставленных *книжными полками*, а благодаря *складу характера* и активному участию в *беседах*»²⁴. Периоды размышлений – это приложение к общественной жизни, а не ее замена. Но сферы торговли и политики были все еще уязвимы для соблазнительной притягательности бегства от норм и правил коллективного общения. «Итог таков, – заключал Ивлин. – *Уединение порождает невежество, делает из нас дикарей, питает чувство мести, склоняет к зависти, порождает ведьм, истребляет население Земли, превращает ее в пустыню и вскоре ее вовсе уничтожит*»²⁵.

Среди современников Циммерман выделялся тем, что стремился исследовать все возможные обстоятельства, способные в XVIII веке заставить человека отвергнуть устои домашней и общественной жизни. Знание обширной литературы на нескольких европейских языках и профессиональная работа с болезнями и расстройствами заставили его отнестись к перспективам ухода от общества со всей серьезностью. В его наиболее благоприятном случае уединение признавалось «склонностью к самососредоточению и свободе»²⁶. Существовала уже определенная традиция – искать убежища для того, чтобы предаться раздумьям или заняться творчеством. «Я не могу отрицать, – признавал Роберт Бёртон в своей «Анатомии меланхолии», – что размышления, созерцание и одиночество заключают в себе известную пользу, не случайно святые отцы... чрезвычайно их восхваляли в целых трактатах, а Петрарка, Эразм, Стелла и другие так возвеличивали в своих книгах...»²⁷ В XVIII веке притягательность такого избегания общества становилась все более очевидной. Отчасти дело было в суете и напряженности жизни шумных городских центров, заставлявших искать тишины и покоя, которые позволили бы собраться с мыслями. Чтобы писать, строить новые планы, требовалось проводить какое-то время наедине с собой. Нужно, как утверждал Циммерман, чтобы у «предприимчивого и пылкого ума» всегда было такое место, куда можно было бы уйти «от раздражающей неинтересной компании и уединенно вынашивать мысли», с тем чтобы «как следует оформить свои смелые и глубокие идеи»²⁸. Это был не отказ от общения, а скорее уход от его банальных и раздражающих сторон, делающий возможным более основательное или масштабное участие в интеллектуальной или деловой жизни общества.

К концу века значение «самососредоточения» стало приобретать более конкретные формы, особенно у Жан-Жака Руссо, чьи «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя» были посмертно опубликованы в 1782 году – как раз когда Циммерман принимался за свой трактат. Как пренебрежительно сформулировал Gentleman's Review: «Философы только что выяснили, что лучший для человека способ узнать себя или, иными словами, свои чувства – это

²² О контексте его статьи см.: Public and Private Life in the Seventeenth Century: The Mackenzie – Evelyn Debate / Ed. B. Vickers. Delmar, NY: Scholars' Facsimiles & Reprints, 1986. P. X–XXXIV.

²³ Evelyn J. Publick Employment and an Active Life Prefer'd to Solitude... In Reply to a late Ingenious Essay of a contrary Title. L.: H. Herringman, 1667. P. 69.

²⁴ Ibid. P. 77.

²⁵ Ibid. P. 118.

²⁶ Zimmerman J. Solitude... P. 21.

²⁷ Burton R. («Democritus Junior»). The Anatomy of Melancholy. Oxford: Henry Cripps, 1621. P. 116. [Бёртон Р. Анатомия меланхолии / Пер. А. Г. Ингра. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 416–417.]

²⁸ Zimmerman J. Solitude... P. 3.

предаться уединению»²⁹. Поиск повествовательного «я», обнаруживаемого лишь посредством уединенного самоанализа, положил начало новому жанру – литературной автобиографии³⁰. А замысел «Прогулок одинокого мечтателя» Руссо объяснял так: «В этом состоянии я возобновляю то суровое и искреннее исследование, которое когда-то назвал „Исповедью“. Я посвящаю последние дни свои изучению самого себя и заблаговременной подготовке к отчету, который не замедлю дать о себе»³¹. Циммерман к этому отказу Руссо от общества ради самопознания относился неоднозначно. Он сочувствовал личным страданиям, заставившим философа уединиться. В глазах его критиков, писал он, ничто не оправдывало ни удары человеческой несправедливости и жестокости, ни мука нищеты, ни разрушительное действие болезни; свежесть и мощь его гения позабыты»³². Но у него не было уверенности в том, что истинное «я» можно обнаружить лишь в отсутствие общества; он был убежден, что единственное, к чему мог привести проект, которому посвятил последние годы жизни Руссо, – это личный крах: «Любому врачу, взявшемуся изучить историю Руссо, будет ясно, что семена уныния, печали и ипохондрического синдрома уже были посеяны в его умонастроении и темпераменте»³³.

Едва Циммерман покончил с этим типом уединения, известным любому писателю, как его каталог одиночеств стал приобретать все более негативный характер. В лучшем случае он демонстрировал понимание обстоятельств, способных привести к отторжению общества, а в худшем был настроен предельно критически по отношению как к его мотивам, так и к результату. Он (как до него – Монтень) жил жизнью, в которой смерть жены, детей, друзей была постоянной угрозой для сохранения близких отношений³⁴. По словам его швейцарского коллеги-медика и давнего друга Самюэля Огюста Тиссо, первая его жена страдала «нервным расстройством, которое бесконечно усугубило печаль Циммермана и заставило его еще сильнее желать уединения»³⁵. Позднее он овдовел и потерял дочь от первого брака. Хотя он едва ли мог одобрительно отозваться об этом состоянии, он все же хорошо знал о существовании того, что в наше время назвали бы чувством тяжелой утраты: «Часто уединение ужасно для скорбящего, счастье которого погребено в безвременной могиле; который отдал бы все радости земные за один звук любимого голоса, чьим мелодичным вибрациям уже никогда не наполнить его ухо и сердце восторгом; и который, оставшись наедине с собой, томится в воспоминаниях о непоправимой потере»³⁶. Близким следует сделать все возможное, чтобы помочь скорбящему вернуться в общество; сам Циммерман вновь женился, и, согласно Тиссо, «счастье этого союза не было нарушено ни на минуту»³⁷.

Были и другие несчастья, способные, как в случае с Руссо, подтолкнуть человека к уединению. «Сломленный дух, – писал Циммерман, – ищет в покое частной жизни укрытия от потрясений соперничества, от навязывания ложной дружбы и от злонамеренных ударов тайной или явной вражды»³⁸. Такие люди тоже заслуживают сочувствия, хотя и не подражания.

²⁹ The Gentleman's Magazine. 1791. Vol. LXI. № 2. P. 1215.

³⁰ Об эволюции автобиографического жанра см.: *Mascuch M. Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591–1791. Cambridge: Polity, 1997. P. 7–23.*

³¹ *Rousseau J.-J. Reveries of the Solitary Walker / Transl. R. Goulbourne [1782]. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 7. [Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя / Пер. Д. А. Горбова // Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М.: ГИХЛ, 1961. С. 575.]*

³² *Zimmerman J. Solitude... P. 165–166.*

³³ *Ibid. P. 164.*

³⁴ *Bakewell S. How to Live: Or A Life of Montaigne in One Question and Twenty Attempts at an Answer. L.: Chatto & Windus, 2010. P. 162.*

³⁵ *Tissot S.-A. The Life of Zimmerman. P. 37. О дружбе Тиссо и Циммермана см.: Emch-Déraz A. Tissot: Physician of the Enlightenment. N. Y.: Peter Lang, 1992. P. 28.*

³⁶ *Zimmerman J. Solitude... P. 15.*

³⁷ *Tissot S.-A. The Life of Zimmerman. P. 91.*

³⁸ *Zimmerman J. Solitude... P. 3.*

Наряду с теми, кто был предан одиночеству не по своей вине, было также немало тех, кто подвергся ему вследствие ненадлежащего поведения или же выбрал это состояние по неразумию. Наиболее аморфную группу составляли те, кто не отвечал этическим нормам или правилам поведения, принятым в обществе XVIII века. Для участия в бытовом, коммерческом или политическом взаимодействии требуется определенная степень уверенности в себе. Когда из-за какой-то неудачи или морального несовершенства человек ее лишается, над ним нависает угроза замыкания в себе:

Стыд или угрызения совести, горькое сознание ошибок прошлого, печаль несбывшихся надежд или усталость от болезни могут ранить или ослабить так сильно, что человек захочет скрыться от всех, уйти прочь, чтобы скорбеть и томиться, не досаждаемый ничем кроме своих внутренних забот, под покровом уединения. В этих случаях желание уйти – не умственное побуждение к самососредоточению, а страх перед потрясениями и малодушная усталость от общества³⁹.

В отличие от достойнейших, которые решают временно уединиться во имя лучшего решения важнейших задач своего времени, они – изгои, вытесненные из общества чувством собственной недостойности.

Категория изгнания наложилась на патологическое состояние меланхолии. В интеллектуальной культуре XVIII века четких границ между науками, литературой и философией не было. Обращение Циммермана к поэзии, политическим комментариям и рекомендациям о том, как правильно жить, обусловлено его главной, профессиональной идентичностью врача. Первой его опубликованной работой был трактат «О раздражительности» – имеется в виду не вспыльчивый характер, а работа сердечных нервов. В дискуссию об уединении он привнес свой опыт ведущего медицинского специалиста, а на его замечания о меланхолии будет ссылаться Жан-Этьен Доминик Эскироль – выдающийся психиатр середины XIX века – как на важнейший вклад в разработку этой темы⁴⁰. На протяжении двух тысячелетий меланхолия была нозологическим термином, охватывающим печаль, страх и депрессию⁴¹. В годы работы Циммермана психологические причины все больше выдвигались на передний план по сравнению с физиологическими, традиционно сводившимися к избытку черной желчи⁴². Родственной категорией была ипохондрия, или ипохондрический синдром, которым, по утверждению Тиссо, периодически страдал сам Циммерман. Ипохондрия не ассоциировалась, как сегодня, с воображаемыми болезнями; на ее счет относили ряд симптомов, для которых не было очевидных физических причин⁴³. Эти расстройства находились в центре растущего интереса к способности душевных состояний вызывать телесные нарушения. Бёртон в «Анатомии меланхолии» отмечал, что «разум чрезвычайно действенно влияет на тело, порождая своими страстями и тревожениями удивительные перемены, такие как меланхолия, отчаяние, мучительные недуги, а иногда и смерть...»⁴⁴ Его догадки получали все большую медицинскую поддержку. Как взволнованно писал в 1812 году Томас Троттер, «в начале XIX века мы без колебаний утверждаем, что *нервные расстройства* занимают теперь место лихорадок и могут быть

³⁹ Ibid. P. 19.

⁴⁰ Esquirol J.-É. D. Mental Maladies: A Treatise on Insanity / Transl. by E. K. Hunt. Philadelphia: Lea & Blanchard, 1845. P. 199.

⁴¹ Bell M. Melancholia: The Western Malady. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 54; Jackson S. W. Melancholia and Depression: From Hippocratic Times to Modern Times. New Haven: Yale University Press, 1986. P. 4–17; Esquirol J.-É. D. Mental Maladies. P. 199.

⁴² Shorter E. From Paralysis to Fatigue: A History of Psychosomatic Illness in the Modern Era. N. Y.: Free Press, 1992. P. 15–16; Rousseau G. S. Science, Culture and the Imagination. P. 779–780.

⁴³ Lepenies W. Melancholy and Society. P. 65.

⁴⁴ Burton R. («Democritus Junior»). The Anatomy of Melancholy. P. 119. [Бёртон Р. Анатомия меланхолии. С. 421.]

справедливо признаны составляющими две трети от всего того, чем поражено цивилизованное общество»⁴⁵.

У столь обширного набора недугов не было единого диагноза или прогноза, однако выраженное неприятие общества проявлялось во всех аспектах и на всех стадиях болезни. Циммерман писал:

Неуместная и неуправляемая предрасположенность к уединению – один из самых частых и ясных симптомов меланхолии: все те, чьи чувства стали добычей призраков досады, сожаления и разочарования, прячутся от света небесного и от взора человеческого; неспособные привязаться ни к каким идеям, кроме тех, что мучают и разрушают их, они стремятся избежать усилий, в одно и то же время болезненных для них и напрасных⁴⁶.

Бегство от общества часто служило первым зримым признаком надвигающегося психического расстройства. Уильям Бьюкен в «Домашнем лечебнике» (который был тогда бестселлером) отмечал: «Когда человек начинает поражаться меланхолией, то он бывает страшлив, беспокоен и ищет уединения. Больные сии всегда суть невеселы, нетерпеливы, бранчливы, любопытны; то скупы, то чересчур щедры и наконец от безделицы выходят из терпения»⁴⁷. Все чаще больной не находил источника удовольствия, кроме как в отказе от общения с теми, кто мог бы помочь ему выбраться из углубляющейся депрессии. Во влиятельном «Трактате о безумии» (1801) Филипп Пинель изложил для нового века основные характеристики болезни: «Симптомами, которые обычно понимаются под термином „меланхолия“, являются молчаливость, задумчивый и грустный вид, мрачные подозрения и любовь к уединению»⁴⁸. Отныне то, как человек устраивал свою общественную жизнь, стало законной заботой европейских врачей. Слишком долгое время, проводимое наедине с собой, явно сигнализировало об опасности. Авторы медицинских учебников, рассматривая причины и лечение наиболее распространенных форм психических заболеваний, непременно посвящали раздел уединению. Патологическую меланхолию отличали от все более модной «белой» меланхолии – состояния, характерного для людей с ярко выраженной литературной чувствительностью и обозначавшего сдержанное отдаление от общества с целью постижения уроков природы и сельской жизни⁴⁹. Томас Грей, автор самого популярного стихотворения о сельской жизни во второй половине XVIII века, смеялся над своими склонностями:

У меня, как ты должен знать, по большей части белая меланхолия, или, точнее, лейкохолия, каковая, пусть она изредка смеется или танцует, никогда не сравнится с тем, что называют радостью или удовольствием, но в то же время является хорошим и простым состоянием, и *ca ne laisse que de s'amuser*. Единственный ее изъян – вялость, которая порой доставляет мне *ennui* [скуку]⁵⁰.

«Черная» меланхолия считалась гораздо более серьезной, чем-то вроде односторонней дороги к полному разрушению психического и физического здоровья.

Как врач, Циммерман мог рассмотреть патологии одинокого образа жизни на практике и попытаться снизить их распространение путем медицинского вмешательства и публикации

⁴⁵ Trotter Th. A View of the Nervous Temperament. L.: Longman, Hurst, Rees, Orme & Brown, 1812. P. XIV.

⁴⁶ Zimmerman J. Solitude... P. 156–157.

⁴⁷ Buchan W. Domestic Medicine; or, The Family Physician [1769]. Edinburgh: <?>, 1802. P. 230. [Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник [...]. М.: Тип. С. Селивановского, 1813. Т. 3. С. 206.]

⁴⁸ Pinel Ph. A Treatise on Insanity / Transl. D. D. Davies [1801]. L.: Cadell & Davies, 1806. P. 136. См. также: Crichton A. An Inquiry into the Nature and Origin of Mental Derangement. 2 vols. L.: T. Cadell, Junior, & W. Davies, 1798. Vol. 2. P. 229.

⁴⁹ Koch Ph. Solitude: A Philosophical Encounter. Chicago: Open Court, 1994. P. 212.

⁵⁰ Цит. по: Porter R., Porter D. In Sickness and in Health: The British Experience 1650–1850. L.: Fourth Estate, 1988. P. 208.

работ. Иначе обстояло дело с последней разновидностью негативного уединения, о которой он на всем протяжении своего трактата отзывался с неизменной враждебностью. Итак, осмотр ландшафта завершался духовным его измерением:

Закрывают сей длинный перечень разнообразных причин, ведущих к уединению, религия и фанатизм. Первая приводит к безмятежности и покою уединения из самых чистых и благородных соображений, лучших наклонностей и лучших усилий. Это – страсть самых сильных и собранных умов. Второй же есть восстание против природы; нарушение и извращение рассудка; отказ от добродетели; глупость и порок узкого и искривленного ума, порождение превратного понимания Божества и незнания себя⁵¹.

Циммерман не спорил с религией как таковой. Как швейцарский протестант, он спокойно относился к характерной для его конфессии смешанной экономике частной молитвы и коллективного богослужения. Проблему он видел в отшельнической наклонности католической церкви, влияние которой Реформация ослабила, но отнюдь не отменила. Его претензия относилась не только к текущей монашеской практике, ограниченной даже в католических регионах Европы. Скорее Циммермана беспокоил высокий статус и моральный авторитет традиции уединения, восходящей к пустынным отшельникам IV века, которые, в свою очередь, стремились повторить пост Христа в пустыне⁵². Огонь своей критики он обратил прямо на отцов-основателей католической церкви: «Сколь же далеки были эти безумцы, коих считают путеводными звездами новой церкви, от понимания человеческой природы, если они употребили свои знания на то, чтобы вывернуть из себя и своих прозелитов все неестественное и непрактичное»⁵³. То, что он неоднократно называл фанатизмом, не имело места в рациональной, общительной культуре городской Европы конца XVIII века⁵⁴.

Циммерман исходил из собственного представления о том, как жить. Несмотря на то что он был набожным христианином, он не считал, что безмолвное, глубоко личное общение с Богом было конечной целью отведенного человеку времени на земле. «Уединение...» – это трактат о стремлении к счастью, в центре которого – присущая человеку общительность. Бесповоротный же отказ от комфорта и от компании – это извращение человеческой природы. Проблемой для Циммермана были те, кто, «подстрекаемый религиозным рвением и не видящий ничего кроме разврата – в радостях общественной жизни и греховной мерзости – в ее добродетелях, сошел со сцены, чтобы в священном мраке монастыря или в уединении пещеры и пустыни созерцать Бытие, суть которого – непреложная чистота, бесконечная доброта и совершенство»⁵⁵. Он вступил в спор с духовной традицией, согласно которой, говоря словами жившего в XVII веке цистерцианца кардинала Боны, «никто не может найти Бога кроме как в одиночестве, ибо Сам Бог уединен и одинок»⁵⁶. В лучшем случае такой публичный отказ от общества был формой самоотречения. Циммерман придерживался той же точки зрения, что и Джон Ивлин: эта практика опошляла христианское служение, а не обосновывала его. «Воистину, – писал Ивлин, – в иных *затворниках* и особо рьяных *отшельниках* больше *честолюбия* и желания пустой славы, чем в самых открытых и заметных поступках: *честолюбие* есть не только в людных местах и торжественных обстоятельствах, но и *дома*, и во внут-

⁵¹ Zimmerman J. Solitude... P. 60.

⁵² Barbour J. D. A View from Religious Studies: Solitude and Spirituality // The Handbook of Solitude: Psychological Perspectives on Social Isolation, Social Withdrawal, and Being Alone / Eds R. J. Coplan, J. C. Bowker. Chichester: Wiley Blackwell, 2014. P. 559–560.

⁵³ Zimmerman J. Solitude... P. 109.

⁵⁴ Klein L. E. Sociability, Solitude, and Enthusiasm. P. 164–167.

⁵⁵ Zimmerman J. Solitude... P. 30–31.

⁵⁶ Цит. по: Hill M. The Religious Order. L.: Heinemann Educational, 1973. P. 51.

ренной жизни; *затворники* не настолько затворены, чтобы отгородиться от этого коварного духа – тщеславия»⁵⁷. В худшем случае на это накладывались другие формы безумия. «Религиозная меланхолия» считалась особенно смертельной разновидностью психических заболеваний. «Все авторы, занимавшиеся этой темой, – писал Джон Хэслем в «Замечаниях о безумии и меланхолии» (1809), – едва ли не согласны с тем, что излечить религиозное безумие очень трудно»⁵⁸. Человеческий разум неспособен справиться в одиночку с последствиями поиска самых глубоких духовных откровений. Христианское служение вполне полезно, однако, продолжал Хэслем, «когда страстное любопытство подведет нас к открытию того, что должно быть сокрыто от нашего взора, отчаяние, всегда сопутствующее этим бессильным поискам, неизбежно приведет нас к самому плачевному состоянию»⁵⁹. Этот тип меланхолии останется частью диагностического инструментария врачей XIX века и войдет в краткий справочник Крафт-Эбинга по безумию, изданный в 1904 году⁶⁰.

Обсуждая религиозный фанатизм, Циммерман провел различие между континентальной Европой и ее островной частью, где монастыри не оправились от Реформации. «Впав в меланхолию, – писал он, – англичанин застрелится, а француз станет картезианцем»⁶¹. В стране, где единственными заметными отшельниками были те, кто жил в гротах (что очень развлекало гостей новых благоустроенных загородных усадеб), монашеское уединение не представляло прямой угрозы для надлежащего отправления религиозных обрядов⁶². Однако в Британии, как и в других странах в XVIII веке, рационализм Просвещения находился в противоречии с формами религиозного энтузиазма, выдвигавшими на первый план прямой контакт истово верующего с Богом. Англиканский и нонконформистский евангелизм еще не создал новых институциональных контекстов для такого личного общения, а традиция отцов-пустынников была жива и вызывала интерес среди богословов конца XVIII века. В 1790-х, когда «Уединение...» с успехом переиздавалось на английском языке, преподобный Джеймс Милнер приступил к изданию своей влиятельной «Истории Церкви Христовой», которая должна была познакомить духовенство и мирян с жизнью и трудами ранних христиан. Милнер призывал к большему, хотя и не слепому, уважению к монашеской традиции: «Мы часто слышим: „Нелепо думать о том, чтобы угодить Богу аскезой и уединением!“ Я далек от того, чтобы оправдывать суеверия монахов и в особенности обеты безбрачия. Но ошибка эта вполне естественна, и к ней относятся слишком строго, тогда как богохульство живущих в миру много опаснее»⁶³. Наряду с этой осторожной защитой религиозного уединения наблюдался рост общественного интереса к «суевериям» католических церквей, вызванный начавшейся в 1793 году войной между Великобританией и ее ближайшим соседом-католиком. Это, в свою очередь, привело к появлению в 1796 году романа еще более сенсационного, чем трактат Циммермана.

«Монах» Мэтью Льюиса задал образец для определенного типа нападок, решительных, подчас непристойных, на закрытые религиозные учреждения – нападок, которым в следующем столетии суждено будет множиться как в художественной, так и в нехудожественной литературе. Роман был написан, когда его развитию не по годам автору было только семнадцать лет,

⁵⁷ Evelyn J. Publick Employment... P. 5–6.

⁵⁸ Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. L.: J. Callow, 1809. P. 263. См. также: Pinel Ph. A Treatise on Insanity. P. 142.

⁵⁹ Haslam J. Observations on Madness and Melancholy. P. 265.

⁶⁰ Krafft-Ebing R. von. Text-Book of Insanity / Transl. Ch. G. Chaddock. Philadelphia: F. A. Davis, 1904. P. 302.

⁶¹ Zimmerman J. Solitude... P. 158.

⁶² Campbell G. The Hermit in the Garden. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 96–144; Harwood E. S. Luxurious Hermits: Asceticism, Luxury and Retirement in the Eighteenth-Century English Garden // Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes. 2000. Vol. 20. № 4. P. 274–278. О том, как в 1783 году владелец поместья Хокстон-Парк нанял отшельника для проживания в обустроенном там комплексе пещер, см.: Macfarlane R. Mountains of the Mind. L.: Granta Books, 2003. P. 151.

⁶³ Milner J. The History of the Church of Christ. 3 vols. [1794–1809; new edn.]. L.: Longman, Brown, Green & Longmans, 1847. Vol. 1. P. 554–555.

вскоре после его поездки в Веймар для изучения немецкого языка⁶⁴. Льюис видел и переводил Гёте, однако нет свидетельств, что он знал, будь то лично или по работам, жившего в Ганновере Циммермана. Хотя многие обвиняли Льюиса в плагиате, источниками ему в основном служили богатая немецкая традиция *Schauerromane* и отечественные готические романы, такие как «Замок Отранто» (1764) Хораса Уолпола и особенно «Удольфские тайны» (1794) Анны Радклиф⁶⁵. В его нападках на извращения, характерные для мужских монастырей и женских обителей, отразилась общая чувствительность Просвещения, весьма представительной фигурой которой был Циммерман. Дени Дидро в «Монахине», написанной в 1760 году, но опубликованной лишь в 1796-м, живописал мучения невольной монахини, заключенной в «тесном и темном подземелье», куда ее «бросили на полусгнившую от сырости циновку», после того как она попыталась покинуть монастырь⁶⁶. История Льюиса быстро вошла в царство готических фантазий, которое не имело ничего общего с упорядоченной вселенной швейцарского врача. Но в начале романа он выступил с монологом, в котором в точности воспроизвел протест Циммермана против затворнической жизни. Главный герой, монах Амброзио, обращается к молодому человеку по имени Розарио, который поселился в ските на территории монастыря (и который вскоре окажется переодетой Матильдой – роковой колдуньей, заклятым врагом монаха):

Исполняя отвращения к греховности и глупости рода людского, мизантроп бежит его. Он решает стать отшельником и погрывает себя в пещере на склоне какой-нибудь мрачной горы. Пока ненависть жжет ему грудь, возможно, он находит удовлетворение в своем одиночестве, но когда страсти охладятся, когда время смягчит его печали и исцелит старые раны, думаешь ли ты, что спутницей его станет безмятежная радость? Нет, Росарио, о нет! Более не укрепляемый силой своих страстей, он начинает сознавать однообразие своего существования, и сердце его преисполняется тягостной скукой. Он смотрит вокруг себя и убеждается, что остался совсем один во вселенной. Любовь к обществу воскресает в его груди, он тоскует по миру, который покинул. Природа утрачивает в его глазах все свое очарование. Ведь ему указать на ее красоты некому, никто не разделяет с ним восхищения перед ее прелестями и разнообразием. Опустившись на обломок скалы, он созерцает водопад рассеянным взором. Он равнодушно смотрит на великолепие заходящего солнца. Вечером он медлит с возвращением в свою келью, ибо никто не ожидает его там. Одинокая невкусная трапеза не доставляет ему удовольствия. Он бросается на постель из мха унылый и расстроенный, а просыпается для того лишь, чтобы провести день такой же безрадостный и однообразный, как предыдущий⁶⁷.

Ясно, что в тишине своей кельи юный отшельник не обретет опоры в непосредственной встрече с Богом. Лишенный общества, он не в силах предотвратить падения духа.

⁶⁴ Peck L. F. A Life of Matthew G. Lewis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961. P. 11–13; Irwin J. J. M. G. «Monk» Lewis. Boston: Twayne, 1976. P. 35–59.

⁶⁵ О работе над «Монахом» и его немецких источниках см.: Lewis M. G. The Life and Correspondence of M. G. Lewis. 2 vols. L.: Henry Colburn, 1839. Vol. 1. P. 73; Parreaux A. The Publication of *The Monk*: A Literary Event 1796–1798. P.: Librairie Marcel Didier, 1960. P. 26–31; Conger S. Matthew G. Lewis, Charles Robert Maturin and the Germans. Salzburg: Institut für Englische Sprache und Literatur, 1977. P. 12–159; Macdonald D. L. Monk Lewis: A Critical Biography. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 76–80, 91–127.

⁶⁶ Diderot D. Memoirs of a Nun (La Religieuse) / Transl. F. Birrell [1796]. L.: George Routledge, 1928. P. 60. [Дидро Д. Монахиня / Пер. Д. Лившиц и Э. Шлосберг // Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его Хозяин. М.: Худ. лит., 1973. С. 70.]

⁶⁷ Lewis M. The Monk [1796]. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 53–54. [Льюис М. Г. Монах / Пер. И. Гуровой. М.: Эксмо, 2008. С. 173–174.]

Монах же пользуется репутацией модного проповедника, но изображается как добродетельный «из тщеславия, а не по велению души»⁶⁸. Решив спасти молодого отшельника от опасностей одиночества, он сам впадает во всевозможные пороки, включая изнасилование и убийство. Мгновенный успех романа как создал, так и разрушил репутацию юного автора⁶⁹. Однако критика романа не повредила его продажам; как и другие произведения, получившие большой успех в печати или на сцене в георгианскую эпоху, он был быстро переведен в самые разные культурные формы, в том числе пьесы и дешевые брошюры, благодаря чему его идейный посыл достиг аудитории, выходящей далеко за пределы круга читателей романов⁷⁰. Вопрос о «религиозном фанатизме» стал одним из целого ряда аргументов о достоинствах и недостатках одиночества, вновь оказавшихся в центре внимания в ходе дебатов конца XVIII века, но ни в коей мере не привел к каким-либо выводам. Как мы увидим, в частности, в четвертой и шестой главах, функция одиночного духовного служения оставалась сферой дискуссий, нововведений и экспериментов в таких областях, как карательная политика, возрождение монашества и развивающиеся формы частного соблюдения обрядов.

Циммерман рассматривал уединение во многом так же, как врач рассматривает человеческое тело. Если главная цель – здоровье, то именно доктор должен бороться с постоянными угрозами благополучию, а в случае необходимости и принимать меры по предотвращению развития индивидуальных заболеваний и массовых эпидемий. Человеку нужна ежедневная дисциплина для поддержания моральной и интеллектуальной формы, особенно же это касается обладателей тонко настроенного ума. За формами частного отдыха необходимо следить – на тот случай, если они вдруг подорвут здоровье пациента. В 1760 году коллега Циммермана Тиссо диагностировал особую категорию уединенного поведения – и задал рамки, в которых дебаты по этому вопросу велись вплоть до XX века. Предающиеся пороку онанизма, писал он, «все поражены ипохондрическим или истерическим недугами и страдают от проявлений, сопровождающих эти тяжкие расстройства: меланхолии, рыданий, слез, частого сердцебиения, удушья и обмороков»⁷¹. Ход событий был следствием общего отстранения от общества. Как только человек впадал в одержимость определенным желанием и прекращал участие в делах других, его подстерегала беда. «Нет ничего более губительного, – настаивал Циммерман, – для людей, склонных предаваться единственной идее, чем лень и бездеятельность, особенно же для наших пациентов, а они не в состоянии достаточно усердно избегать лени и уединения. Более каких-либо других занятий развлекают сельский отдых и сельское хозяйство»⁷².

Два аспекта в подходе Циммермана к избранной им теме были особенно актуальны для истории уединения по мере того, как складывался современный мир. Первый – это представление об одиночестве как о событии. Сам факт физической изоляции не представлял особого интереса. Дело было не в том, что человек одинок, а в том, что было тому причиной. Влияние одиночества как на человека, так и на общество определялось душевным состоянием, вызвавшим отказ от компании⁷³. Есть большая разница между уединением в кабинете или в деревне с целью собраться с мыслями и окончательным уходом туда же вследствие эмоционального расстройства или дурного увлечения. Циммерман писал:

⁶⁸ Ibid. P. 440. [Там же. С. 478.]

⁶⁹ Lewis M. G. The Life and Correspondence of M. G. Lewis. P. 151–152. См., например, отзыв Кольриджа: [Coleridge S. T.] Lewis's Romance of the Monk // The Critical Review. 1797. Feb. Vol. XIX. P. 195, 197.

⁷⁰ Parreaux A. The Publication of *The Monk*. P. 63–70. О широкой и мгновенной популярности дешевых изданий романа см.: Steedman C. An Everyday Life of the English Working Class: Work, Self and Sociability in the Early Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 31.

⁷¹ Tissot S.-A. Onanism / Transl. A. Hume [1760]. L.: T. Pridden, 1766. P. 22. О дальнейших дебатах см.: Laqueur Th. W. Solitary Sex: A Cultural History of Masturbation. N. Y.: Zone Books, 2003.

⁷² Tissot S.-A. Onanism. P. 129.

⁷³ Акцент Циммермана на этом вопросе обсуждается в: Wood M. M. Paths of Loneliness: The Individual Isolated in Modern Society. N. Y.: Columbia University Press, 1960. P. 6–7.

Ежели сердце чисто, дух бодр, а ум развит, то временное отдаление от широкого и даже близкого круга общения улучшит добродетели ума и приведет к счастью; но ежели душа испорчена и мириады порочных образов и желаний роятся в больной фантазии, тогда уединение послужит тому лишь, чтобы укрепить и усугубить зло; позволив уму вынашивать его буйные и вредные замыслы, оно станет повивальной бабкой и нянькой для извращенных и чудовищных идей⁷⁴.

Вторая особенность подхода Циммермана не получила достаточного внимания в последующих работах на эту тему. Его трактат был не только об одиночестве. Важная проблема заключалась в перемещении между состояниями общения и уединения. Его литературное выступление было направлено на создание такого мира, в котором «польза уединения и достоинства общества могут быть легко согласованы и соединены друг с другом»⁷⁵. Ключевым критерием для разграничения благоприятного и вредоносного уединения служила способность управлять переходом из одного состояния в другое. Одиночество для самососредоточения приемлемо, если человек обладает достаточной силой ума, чтобы извлечь пользу из периода размышлений и вернуться в бой еще более целеустремленным. Достоинства, приобретенные в умственном общении до пребывания в одиночестве, – залог успешного возвращения в мир споров и союзов. Те же, кто избрал уединение из поверхностных соображений и потворства своим желаниям, возвратятся в общество все в том же состоянии нравственной слабости. Иные формы уединения становились все опаснее, поскольку, казалось, и вовсе отрезали путь назад, к обществу. «В случае с воображением, омраченным печалью и подавленностью, – предупреждал Циммерман, – досуг и уединение не прогоняют, а, напротив, усиливают и усугубляют то самое зло, искоренить которое были призваны»⁷⁶. «Жертва уныния» никогда не оправится, если покинет общество тех, кто может отнестись с сочувствием и пониманием к ее страданиям, каковые «не могут не обостриться и не усилиться в уединении»⁷⁷. Наличие последнего как причины и главного симптома меланхолии лишало больных того ресурса, который позволил бы им самостоятельно вернуться к духовному здоровью и счастью. Их состояние будет питаться самим собой, в конечном итоге порождая физические симптомы, которые еще сильнее уменьшат перспективы выздоровления: «Само по себе уединение, отнюдь не принося облегчения, служит лишь тому, чтобы обострять страдания этих несчастных смертных»⁷⁸. Ущерб, причиняемый религиозным фанатизмом, начинается с решения отречься от коллективного соблюдения религиозных обрядов и от авторитета духовных лидеров. Монашеский обет – это билет в один конец, туда, откуда не возвращаются. В тишине кельи воображение бушует, лишённое каких-либо рациональных ограничений. Безмолвный Бог не даст утешения: «Религиозную меланхолию уединение превращает в ад на земле, ибо так воображению суждено постоянно пребывать в ужасном страхе, столь неразрывно связанном с этой болезнью разума, что душа уже покинута Богом и отвергнута милостью Божьей»⁷⁹.

Душевные состояния, переживаемые в одиночестве, и способность переходить от уединения к общению и обратно – вот вопросы, которые должны были решаться каждым последующим поколением в модернизирующемся мире. Ответы самого Циммермана принадлежали к своему времени и были обусловлены его причастностью к кругу городских интеллектуалов-протестантов. Актуальность его трактата проистекала из чувства глубокой неустойчиво-

⁷⁴ Zimmerman J. Solitude... P. 62–63.

⁷⁵ Ibid. P. 312.

⁷⁶ Ibid. P. 169.

⁷⁷ Ibid. P. 162.

⁷⁸ Ibid. P. 21.

⁷⁹ Ibid. P. 169–170.

сти сложившегося баланса между одиночеством и поддержанием социальных связей. В «Уединении...» заметно напряжение между принятием зарождающейся городской цивилизации и реакцией на ее мелочные проявления, что восходит еще к Петрарке и Вергилию и будет свойственно последующим когортам критиков по мере того, как население Западной Европы все больше будет концентрироваться в больших и малых городах. Эффективность перемещения между общением и уединением «работала» в обе стороны. Те, чьи способности «ослабли из-за долгой связи с тщетой и глупостью», отмечал Циммерман, были не в состоянии «наслаждаться прелестями уединения»⁸⁰. Дело касалось не только крупных населенных пунктов. В трактате содержится категорическое осуждение поверхностных драм провинциальной жизни, вызванное долгим и все более неприятным пребыванием автора в Бругге, небольшом городке близ Цюриха, где он родился и куда позднее вернулся в должности главного врача⁸¹. Опасность была связана с ощущением, что элитарная культура того времени была предрасположена к такому уходу в себя ввиду чрезмерностей городской цивилизации. Циммерман одновременно сочувствовал этой реакции и опасался ее последствий. Невозможно сохранить поступательное движение основанного на идее коммуникации просвещенческого проекта, когда ведущие его представители, подобно Руссо, то и дело заглядываются на преимущества лесного убежища.

То же самое относится и к уединению ради духовного созерцания. Отцы-пустынники и их средневековые последователи принадлежали к самому ядру европейской религиозной чувствительности. Они составляли общее наследие католиков и протестантов; это были иконы, подлежащие любованию, прославлению и, в теории, подражанию. Свирепость нападок Циммермана на «религиозное безумие» указывала на сознание его непреходящей привлекательности. Несмотря на дальнейший ущерб, нанесенный Французской революцией сохранившимся сетям монастырей как во Франции, так и в странах, куда она была экспортирована, их образ жизни не растерял остатков очарования. Притягивала экстремальность этого опыта. Если проблема состоит в развращающем комфорте городской культуры, значит, решение заключается в полном отказе от удобств и привилегий. Если восстановительному созерцанию мешает давление других людей, то ответ на него – решительное бегство, временное или, в особых случаях, окончательное. В этом смысле монашеский идеал был одновременно и конкретной, пусть и все менее редкой, институциональной возможностью, и более общим источником вдохновения для разного рода практик духовного уединения. В христианской традиции существовали сторонники религиозного возрождения, которые, в отличие от Циммермана, верили, что непосредственная, личная встреча с Богом – реальный путь к откровениям, недостижимым во все более светском и коммерческом обществе.

Была и еще одна причина для беспокойства – разрушительная роль воображения. Циммерман признавал его вновь обретенную силу и его особую изобретательность, когда дело касалось уединения для погружения в собственные мысли⁸². «Уединение, – писал он, – оказывает постоянное и мощное воздействие на воображение, чья власть над разумом почти всегда превосходит власть суждения»⁸³. И именно когда человек один, воображение готово ниспровергнуть суждение, и без того недоступное для критики рациональности. Английские моралисты, такие как Энтони Эшли-Купер – третий граф Шефтсбери, – спорили о том, не породило ли одиночество, говоря словами Лоуренса Клейна, «фантазий разума, лишь одним из видов которых являются иступленные иллюзии»⁸⁴. Ближе к концу XVIII века романтизм предложил способ усмирить воображение – путем интенсивного, часто одинокого единения с природой.

⁸⁰ Ibid. P. 12.

⁸¹ Ibid. P. 193. О его несчастливой жизни в Бругге см.: Tissot S.-A. The Life of Zimmerman. P. 28. Население Бругга составляло тогда около тысячи человек.

⁸² MacPherson J. The Spirit of Solitude. P. 56.

⁸³ Zimmerman J. Solitude... P. 90.

⁸⁴ Klein L. E. Sociability, Solitude, and Enthusiasm. P. 164–167.

Хотя Циммерману и был хорошо знаком проверенный временем дуализм города и деревни, о последней он писал лишь поверхностно. Его мало интересовало то, что можно было бы назвать географией одиночества, – связь уединенного состояния с конкретным местом в пространстве, желательно природном. Он родился в той части Европы, которую уже стали прославлять как самое благоговейное проявление природного мира, но сам он больше заботился о том, чтобы найти подходящее место для медицинской карьеры. Экзальтированный проект английского радикала Джона Телуолла, издавшего свой труд «Перипатетик, или Наброски о сердце, природе и обществе» спустя три года после первого английского перевода «Уединения...», был явно не во вкусе Циммермана:

В одном, по меньшей мере, отношении – говорю я, свернувший с общественной дороги, чтобы идти по тропе, едва заметной в пышных травах полей и подарившей мне свободу потворствовать одиноким грезам ума, для которого книга природы всегда открыта на той или другой странице с каким-нибудь уроком и утешением, – в одном, по меньшей мере, отношении могу я похвастаться подобием простоты древнейших мудрецов: я следую за моими раздумьями пешком и могу найти повод для философских размышлений везде, где колышущийся свод (лучшее убежище философа) раскинул свой роскошный покров⁸⁵.

Прогулка стала и будет оставаться важнейшим элементом теории и практики одиночества. Этот вопрос окажется в центре нашего внимания во второй главе, посвященной XIX веку, и будет вновь затронут в пятой – о веке двадцатом.

⁸⁵ *Thelwall J. The Peripatetic; Or, Sketches of the Heart, of Nature and Society. L.: <for the author>, 1793. P. 8.*

Современная история уединения

Долгие дебаты об уединении приобрели новую актуальность в связи с приверженностью Просвещения идее социального взаимодействия. Межличностное общение стимулировало инновации, но оставляло мало места для интеллектуальных поисков и самопознания. Социальное взаимодействие способствовало творчеству, но также могло отвлекать и опрошачать, если не было возможности для уединения и размышления. Нужно было найти новый баланс между взаимодействием и уединением в интересах прогресса. Вместе с тем исторические формы уединения сохраняли опасную притягательность в условиях суеты и материализма урбанизирующегося общества. Стены монастыря и безлюдные природные ландшафты долгое время были очистительной альтернативой разрушающему воздействию современного мира. И те и другие грозили бесповоротным отказом от жизненно важных структур споров и договоров. На фоне этого давления были очевидны издержки социальной жизни. Росли опасения, подстегиваемые появлением медицинского «сословия», что психическая устойчивость тех, кто отвечает за достижение перемен, не может выдержать вихря личных взаимодействий. Чем жестче требования общества и чем больше участников взаимодействия, тем выше риск сползания в потенциально смертельную меланхолию.

Вопрос о том, как быть одному, оставался своеобразным молниеотводом в реакции на модерн⁸⁶. По мере того как после 1800 года европейское население разрасталось и переселялось из деревни в город, всё новые вопросы о должной роли одиночества вставали в самых разных контекстах. Перед «новым обществом незнакомцев», по выражению Джеймса Вернона⁸⁷, стояла задача переосмысления и изменения практик, которые могли рассматриваться как усугубляющие опасность или же как использующие сильные стороны более фрагментированных межличностных отношений. Со временем были выработаны три различные функции уединения, каждая из которых была ответом на возможности и риски все большего роста населения.

Первая восходила к романтическому движению, а от него – к тем оппозиционным практикам, которыми занимался Циммерман. В этом дискурсе уединение – повторяющаяся, бесконечно переиницируемая критика того, что было задумано как модерн. Локусом нежелательных перемен стали растущие городские центры, извращающие человеческие отношения и угрожающие физическому здоровью. Главной ареной духовного и телесного оздоровления была природа в той ее нетронутой форме, какую предоставляли Британские острова. Благодаря росту международных транспортных систем начиная с середины XIX века стало возможным посещение – личное или же посредством чтения литературы о путешествиях – поистине диких ландшафтов. Желаннее всего была неопосредованная связь не между одним человеком и другим, а между одиноким путником или путешественником и неким проявлением изначального Божьего творения. Такой уход от городского общества будет рассмотрен во второй главе, посвященной главным образом прогулкам в XIX веке, затем в пятой, где речь пойдет о поездках за город в XX веке, и, наконец, в шестой, где будет исследована все больше утрачивающая свое значение практика противостояния экстремальным природным условиям.

Вторая функция отшельнического поведения – патология модерна. Не считающаяся ни с какими правилами погоня за материальными удовольствиями и индивидуальным удовлетворением все больше угрожала здоровому общению. Тяжелые формы физической или психологической болезненности служили непосредственным, измеряемым показателем неуправляемых противоречий межличностных отношений. В течение периода, охватываемого этим исследованием, проблемы срастались одна с другой вокруг зарождающегося понятия одиноче-

⁸⁶ Harris M. Solitude: In Pursuit of a Singular Life in a Crowded World. L.: Random House, 2017. P. 7.

⁸⁷ Vernon J. Distant Strangers: How Britain Became Modern. Berkeley: University of California Press, 2014. P. 19.

ства (*loneliness*). До современной эпохи этот термин редко использовался в отрыве от эмоционального уединения (*solitude*) в более широком смысле. Мильтон в своей брошюре о разводе (1643) утверждал, что брак является прежде всего «средством от одиночества» и существует для того, чтобы обеспечить «приятную и жизнерадостную беседу мужчины с женщиной, утешить и восстановить его от зла одинокой жизни»⁸⁸. В XVIII веке слово «одинокый» (*lonely*) относилось к состоянию или, чаще, месту уединения. Оно стало все чаще встречаться в творчестве поэтов-романтиков – как обозначение отчетливо негативной эмоции⁸⁹. Безрадостные скитания Чайльд-Гарольда приводят его в Альпы – в «Природы грандиозные соборы; / Гигантский пик – как в небе снежный скаल्प; / И, как на трон, воссев на эти горы, / Блестит Вечность, устрашая взоры»⁹⁰. Однако в Лемане «человек... слишком ощутил», и он возобновляет поиски более полного одиночества: «Скорей же в горы, к высям ледяным, / К тем мыслям, к тем возвышенным отрадам, / Которым чужд я стал, живя с двуногим стадом»⁹¹.

В XIX веке термин «одиночество» вошел в широкое употребление, хотя изначально это понятие относилось к области патологического уединения, о котором рассуждали сменявшие друг друга медицинские авторитеты и прочие авторы⁹². У Чарльза Диккенса в рождественском рассказе 1840 года глухой старик в праздничный день встречается с рассказчиком, который пытается вытащить его из меланхолической изоляции, описываемой в рассказе не как одиночество, а как состояние «уединения»⁹³. Постепенно одиночество стало особым состоянием, несущим с собой определенный набор симптомов. В 1930 году Г. К. Честертон сатирически описал возникновение этого феномена, тогда еще казавшегося сугубо локальным:

Одно из тончайших проявлений неутомимого патриотизма приняло форму обращения к нации на тему одиночества. В нем содержится жалоба на то, что человек в Англии изолирован в том смысле, какого не знает большинство других стран, а также требование немедленно что-нибудь предпринять, чтобы соединить всех этих одиноких людей в цепочку взаимодействий⁹⁴.

Обратила внимание на одиночество и зарождающаяся психология⁹⁵. Было признано, что при самой большой его интенсивности оно способно вызывать приступы психотических заболеваний. Расплывчатое понятие меланхолии было переосмыслено как состояние, в котором взаимодействуют психические и физические симптомы. В седьмой главе будет рассмотрено появление после 1945 года одиночества как социального кризиса, кульминацией которого стали назначение первого в мире правительственного министра по одиночеству, а также публикация официальной стратегии по борьбе с этим явлением.

⁸⁸ *Milton J. Divorce: In Two Books*. L.: Sherwood, Neely & Jones, 1820. P. 17. Оригинальное название этого сочинения – «The Doctrine and Discipline of Divorce» (1643).

⁸⁹ Оксфордский словарь английского языка. См. также обсуждение в: *Lewis K. Lonesome: The Spiritual Meanings of American Solitude*. L.: I. B. Tauris, 2009. P. 4.

⁹⁰ Песнь III, строфа LXII, строки 590–594. [Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / Пер. В. Левики // Байрон Дж. Г. Соч.: В 3 т. М.: Худ. лит., 1974. Т. 1. С. 224.]

⁹¹ Песнь III, строфа LXVIII, строки 648–651. [Там же. С. 226.]

⁹² О распространении этого термина, почти неизвестного в XVIII веке, см.: *Alberti F. B. This «Modern Epidemic»: Loneliness as an Emotion Cluster and a Neglected Subject in the History of Emotions* // *Emotion Review*. 2018. Vol. 10. № 3. P. 3–5.

⁹³ См. рождественский эпизод из «Часов мистера Хамфри» (11 апреля 1840 года) в: *Dickens Ch. A Christmas Carol and Other Christmas Writings* / Intro., notes by M. Slater. L.: Penguin Classics, 2010. P. 20, 22. Похожее обсуждение «уединения» как жизни без друзей в мегаполисе см. в: *Hazlitt W. London Solitude* // *New Writings of William Hazlitt* / Ed. D. Wu. 2 vols. Oxford: Oxford University Press, 2007. Vol. 2. P. 354–355.

⁹⁴ *Chesterton G. K. On Loneliness* // *Chesterton G. K. Come to Think of It...: A Book of Essays*. L.: Methuen, 1930. P. 82.

⁹⁵ *Fromm-Reichmann F. On Loneliness* // *Fromm-Reichmann F. Psychoanalysis and Psychotherapy: Selected Papers of Frieda Fromm-Reichmann* / Ed. D. M. Bullard. Chicago: University of Chicago Press, 1959. P. 326.

Третье изменение было наиболее распространенным, но при этом наименее замеченным современными авторами. Наблюдавшееся с поздневикторианского периода вытеснение врачей профессиональными социологами мало что сделало для изменения маргинального статуса уединения. Первое крупное исследование, в котором оно рассматривалось как нормальный и необходимый аспект жизни, было написано психологом Энтони Сторром лишь в 1989 году. В нем было выдвинуто обвинение против господствующей ортодоксальности: «Широко распространено мнение, – писал Сторр в предисловии, – что главным, если не единственным, источником человеческого счастья являются межличностные отношения интимного рода»⁹⁶. Его книга вызвала повышенный интерес к этой теме среди социологов, однако и в 2016 году Айра Коэн мог наблюдать, что, «хотя коллеги-социологи и добились необычайного прогресса в изучении того, как люди участвуют в социальном взаимодействии, они редко признают существование целого ареала различных типов поведения, свойственных людям тогда, когда они не вовлечены в межличностные контакты»⁹⁷. Подобные виды деятельности, как будет показано в нашем историческом исследовании, были чем-то большим, нежели просто остаточные явления, следы времяпрепровождения, сведенного на нет шумом и энергией коммерческого прогресса. Скорее они были одновременно продуктом модерна и необходимым условием его успеха. С начала XIX века многообразное улучшение материального благосостояния, потребительских рынков и коммуникационных сетей сделали возможным более широкий спектр одиночных практик для всего населения. Уединение в его основной форме – как способ кратковременного досуга в условиях напряженной жизни – стало более доступным, особенно для женщин и трудоспособной бедноты. Как будет показано, в частности, в третьей и пятой главах, на всех этапах жизни и для всех, за исключением самой обездоленной части общества, эти формы уединения способствовали устойчивому социальному взаимодействию.

Динамику перемен в рамках трех этих функций затемняла статическая концепция уединения как деятельности. В трактате Циммермана, как и вообще в его время, да и позднее, уединение рассматривалось как простой антоним пребывания в компании. Циммерман, как мы видели, настаивал, что мотивы ухода от общества носят чрезвычайный характер, но тем не менее предполагал, что во всех случаях он имел дело с отсутствием другого человека в данном конкретном месте. Современные дискуссии об одиночестве до сих пор во многом основаны на бинарном противопоставлении личного контакта и исключаящей коммуникацию изоляции. Идет ли речь о безлюдном месте на лоне природы или о пустой комнате, уединенная фигура остается ключевым компонентом опыта и понимания одиночества на протяжении всего нашего периода. Однако все большее значение приобретают еще две формы уединения. Первую можно назвать сетевым уединением, подразумевая под ним взаимодействие с другими людьми посредством печати, переписки или других средств массовой коммуникации при условии физической изоляции.

Уже в конце XVIII века, особенно при том уровне образования и том положении в обществе, которые имел врач, существовала промежуточная структура виртуальной репрезентации, благодаря которой человек мог одновременно быть предоставлен самому себе и коммуницировать с другим. В Британии мужчины и женщины из дворянского класса использовали письма для поддержания связи с дальними родственниками и деловыми партнерами уже в конце Средних веков⁹⁸. К 1800 году «эпистолярной грамотностью» (Сьюзен Уайман) обладали уже многие грамотные члены ремесленного сообщества⁹⁹. Впрочем, для тех, кто занимался физическим

⁹⁶ Storr A. *Solitude* [1989]. L.: HarperCollins, 1997. P. IX.

⁹⁷ Cohen I. J. *Solitary Action: Acting on Our Own in Everyday Life*. N. Y.: Oxford University Press, 2016. P. 2.

⁹⁸ Daybell J. *The Material Letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1625*. L.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 20; Allen G. *The Cooke Sisters: Education, Piety and Politics in Early Modern England*. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 8–9.

⁹⁹ Whyman S. *The Pen and the People: English Letter-Writers 1660–1800*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 9–10.

трудом, составление или получение письма было редким событием; зато ведущие ученые уже давно привыкли иметь сеть корреспондентов по всей Европе, а с недавнего времени и в Новом Свете. Циммерман вел на этой основе не только исследовательскую, но и литературную деятельность. «Его работа об уединении, – писал Тиссо, – была воспринята с большим *éclat*¹⁰⁰ не только в Германии, но и везде, где читают по-немецки, и обеспечила его перепиской, которая доставила ему большое удовлетворение»¹⁰¹. Последующее расширение европейских и глобальных почтовых сетей на основе британской системы с фиксированной предоплатой («почта за пенни», 1840) способствовало поддержанию связи между родственниками, разбросанными по карте экономическими и демографическими пертурбациями того времени¹⁰². Дополнительные средства для управления физической изоляцией принесло изобретение телефона и интернета, о которых пойдет речь в заключительной главе. Сетевое уединение и уменьшало стресс, и обогащало опыт пребывания наедине с собой. Благодаря переписке и множась формам печатных медиа оно позволило одиноким людям наслаждаться собственной компанией и в то же время чувствовать, что они в некотором смысле являются частью более широкого сообщества.

Вторая альтернативная форма стала предметом научного обсуждения лишь недавно¹⁰³. Это – абстрагированное уединение, способность быть наедине с собой, оставаясь при этом среди людей; средство, позволяющее отвлекать свое внимание и свои мысли от тех, кто находится в непосредственной близости. Давние поиски ментального пространства в условиях оказываемого другими давления приобрели новую актуальность в стремительно развивающейся мегаполисной цивилизации XVIII века. В 1720 году Даниель Дефо написал второе продолжение своего эпохального романа об уединении¹⁰⁴. Робинзон Крузо вернулся в Лондон и пытается провести различие между абсолютной физической изоляцией, будь то добровольной или вынужденной, и временным уходом от окружающего общества. Переживший кораблекрушение Робинзон не испытывает ностальгии по прежней жизни. Одиночество, которым он наслаждался, было необходимо для благополучия его нравственного «я», но оно неестественно и небезопасно в том случае, если отсоединено от структур морали и сужает перспективы образованного общества. Самые глубокие формы духовной рефлексии лучше всего осуществляются в процессе повседневной деятельности. «Божественное созерцание, – настаивает Крузо, – требует состояния души, не прерываемого никакими чрезвычайными движениями или вмешательством страстей; а это, утверждаю я, гораздо легче получить и испытать в обычном течении жизни, нежели в монашеской келье или в принудительном заточении»¹⁰⁵. Толпа, особенно в столице, не помеха, а подходящее условие для дисциплинированного, продуктивного размышления:

Поэтому ясно, что, как я не вижу ничего похожего на уединение в вынужденном заточении на острове, где мысли не имеют формы, подходящей для уединенного состояния, точно так же могу я утверждать, что гораздо больше наслаждаюсь уединением среди величайшего в мире человеческого

См. также: Vincent D. *Privacy: A Short History*. Cambridge: Polity, 2016. P. 47.

¹⁰⁰ *Éclat* – здесь: помпа (фр.). – Примеч. ред.

¹⁰¹ Tisson S.-A. *The Life of Zimmerman*. P. 100.

¹⁰² Vincent D. *Literacy and Popular Culture: England 1750–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 32–49.

¹⁰³ См., например: Senechal D. *Republic of Noise: The Loss of Solitude in Schools and Culture*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. P. 34.

¹⁰⁴ [Defoe D.] *Serious Reflections during the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: with his Vision of the Angelick World / Written by Himself*, ed. G. A. Starr [1720]. L.: Pickering & Chatto, 2008. Роман не имел успеха и до 1895 года в полном виде не переиздавался.

¹⁰⁵ Ibid. P. 61.

собрания, то есть в Лондоне, где я пишу эти строки, чем когда-либо за все свое двадцативосьмилетнее одиночное заключение на заброшенном острове¹⁰⁶.

Это был вопрос о необходимом, а также и об осуществимом. Создатель Крузо не сомневался, что произвольно абстрагироваться от сложных сетей отношений, в которых он жил и работал, было абсолютно практическим решением. Его герой настаивает, что «всеми сторонами совершенного одиночества нужно так же полно наслаждаться, если мы того желаем и если достаточно подготовлены, – даже в самых густонаселенных городах, и в спешке разговоров, и в галантности двора, и в суете наших дел, – как и в пустынях *Аравии* или *Ливии* или же в одинокой жизни на необитаемом острове»¹⁰⁷.

В силу своей природы абстрагированное уединение оставило о себе мало свидетельств, но все же можно утверждать, что в переполненных домашних интерьерах, где большинство людей жило большую часть времени, охватываемого этим исследованием, оно и было основным средством достижения благ, традиционно востребованных для физической изоляции. Оно требовало некоторого навыка концентрации и могло варьироваться по времени от нескольких минут созерцания или мечтания до продолжительного погружения в какое-то уединенное дело или развлечение. Часто оно было связано с тем или другим типом сетевого уединения, самый очевидный пример – погружение в чтение книги прямо посреди шума домашней жизни. В домах среднего класса оно проявлялось в способности хозяев считать себя вполне одинокими в присутствии трудившейся вокруг прислуги. На протяжении всего этого времени оно будет испытывать влияние технических инноваций и, как будет показано в восьмой главе, достигнет пика с появлением мобильного телефона, позволяющего отправлять и получать текстовые сообщения.

Общими для разных реакций на модерн и разных категорий уединения были вопросы класса и гендера. Авторы конца XVIII – начала XIX века, писавшие об одиночестве и, шире, о меланхолии, не сомневались, что их главная забота касалась хорошо образованных мужчин¹⁰⁸. «Напряженная и непрерывная работа мышления», как писал Томас Арнольд, – вот основная причина безумия¹⁰⁹. Лишь обладатели зрелого, уравновешенного ума способны вынести опасности изоляции и вернуться к продуктивному взаимодействию с обществом. И наоборот, те, кто тратит слишком много времени на науку, оказываются особенно уязвимы для патологий одиночества, тогда как основная масса населения защищена от них своей умственной ограниченностью. Уильям Бьюкен в «Домашнем лечебнике» (1769) сформулировал это так: «Известно, что человек, непрестанно ломающий себе голову мыслями, редко пользуется совокупно и выгодами тела, и силою духа; а напротив того тот, кто, ежели можно так сказать, *ничего не думает*, вообще имеет и то и другое»¹¹⁰. Мужчины, занятые физическим трудом, едва ли страдали от расстройств психики. Томас Троттер в «Обзоре нервного темперамента» (1812) писал: «Я не нахожу, будто шахтеры в этом районе подвержены каким-то определенным болезням; при условии умеренного пьянства они живут обычно до преклонного возраста»¹¹¹.

¹⁰⁶ Ibid. P. 59.

¹⁰⁷ Ibid. P. 66.

¹⁰⁸ О связи меланхолии с интеллектуальными усилиями высокообразованных мужчин см.: *Cheyne G. The English Malady: Or, a Treatise of Nervous Diseases of All Kinds. L.: G. Strahan, 1733. P. 181–182; Porter R. Madness: A Brief History. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 83–86.*

¹⁰⁹ *Arnold Th. Observations on the Nature, Kinds, Causes and Prevention of Insanity. 2 vols. [2nd edn.]. L.: Richard Phillips, 1806. Vol. 2. P. 64. См. также: Crichton A. An Inquiry into the Nature and Origin of Mental Derangement. Vol. 2. P. 235.*

¹¹⁰ *Buchan W. Domestic Medicine. P. 119. См. также: Dolan E. Seeing Suffering in Women's Literature of the Romantic Era. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 25–27. [Бухан В. [Бьюкен У.] Полный и всеобщий домашний лечебник [...]. М.: Тип. С. Селивановского, 1809. Т. 1. С. 111.]*

¹¹¹ *Trotter Th. A View of the Nervous Temperament. P. 48.*

Женщинам в большинстве текстов того времени было отказано в возможности пользоваться благами уединения. Поэтесса начала XVIII века Мэри Чадли считала это «мужским удовольствием», поэтому «никогда уединение не должно быть нашим выбором, активная жизнь содержит в себе гораздо большее совершенство»¹¹². Уединение можно обрести «в наших занятиях, в наших садах и в тишине безлюдной тенистой рощи», но «никто не может быть счастливым в одиночестве, если только не имеет внутренней чистоты помыслов, не унял желаний и не подчинил свои страсти абсолютной власти разума»¹¹³. Циммерман считал такое проявление добродетели весьма нехарактерным для женщин. Либо они были слишком заняты семейными делами, чтобы иметь возможность наслаждаться собственной компанией, либо их особая подверженность силе воображения делала их неспособными противостоять его разрушительным последствиям. «Уединение еще более чревато полным видений безумием в умах женщин, — отмечал он, — нежели в умах мужчин, поскольку воображение последних, как правило, менее управляется раздражительной чувствительностью и более сдерживается твердостью суждения»¹¹⁴.

Считалось, что те, у кого есть свободное время, должны обладать и определенным уровнем образования, чтобы уметь извлечь пользу из своего досуга. Поэт XVII века Абрахам Каули заметил в эссе «Об уединении», что «не может рекомендовать уединение совершенно неграмотному человеку»¹¹⁵. Сталкивающиеся с тем, что он назвал «краткими интервалами случайного уединения, которые часто случаются почти со всеми (за исключением самых посредственных из людей, коим хватает лишь необходимого для обеспечения жизни)», должны иметь доступ к книгам или к каким-то формам «затейливого искусства» для заполнения свободных часов¹¹⁶. Можно утверждать, однако, что уединение существует как в верхнем, так и в нижнем регистре. С одной стороны, есть интертекстуальная литературная традиция, обзор которой вошел в трактат Циммермана и к которой обращались поэты и прозаики на протяжении всего современного периода. С другой, есть традиция обыденных практик, которая была и остается чрезвычайно важной для мужчин и женщин любого социального положения и с любым уровнем образования, поскольку они стремятся сбалансировать свою жизнь и найти какое-то пространство для себя — посреди всех тех требований, что предъявляет к ним общество.

«Краткие интервалы случайного уединения», о которых писал Каули, не были исключительной привилегией избранных, будь то мужчины или женщины. Для основной части живших на рубеже XIX–XX веков, даже в урбанизирующейся Англии, многие из имевшихся для этого возможностей были доступны и в сельской местности. В 1800 году поэт рабочего класса Роберт Блумфилд писал в поэме «Сын фермера» о молодом человеке, ухаживающем за полем, где росла пшеница, и в процессе ежедневного своего труда наслаждающемся «нередким перерывом для покоя... откуда уединение берет особое свое очарование»¹¹⁷. Как будет показано в третьей и пятой главах, в течение рабочего дня бывали такие периоды, когда труд мог быть приостановлен, особенно до введения фабричного режима дня. Далее, моменты уединения случались и дома — их частота была разной в зависимости от количества и возраста детей. Многочисленность окружения также варьировалась в течение дня — по мере того как мужчины уходили на работу, а дети — в школу. И всегда (особенно, но не только в сельской местности) были за входной дверью сады, тропинки и поля, где можно было на короткое время остаться наедине с собой¹¹⁸.

¹¹² Chudleigh, Lady. *Essays Upon Several Subjects in Prose and Verse*. L.: R. Bonwicke et al., 1710. P. 233, 234.

¹¹³ Ibid. P. 235, 237.

¹¹⁴ Zimmerman J. *Solitude*... P. 144–145.

¹¹⁵ Cowley A. *Of Solitude* // Cowley A. *Poetry & Prose*. Oxford: The Clarendon Press, 1949. P. 80.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Bloomfield R. *The Farmer's Boy: A Rural Poem*. L.: Vernor & Hood, 1800. P. 31.

¹¹⁸ Vincent D. *Privacy*. P. 10–13, 48, 65–66.

Эти верхний и нижний регистры уединения должны рассматриваться в соотношении друг с другом. Для этого необходимо сосредоточиться на взаимообмене между литературным дискурсом и повседневными практиками и аттитюдами. В классическом исследовании смежной темы – пасторального идеала в американской жизни – Лео Маркс утверждает, что «для того, чтобы оценить значение и силу наших американских басен, необходимо понимать взаимодействие литературного воображения с тем, что происходит вне литературы, вообще в культуре»¹¹⁹. В течение всего периода после 1800 года мы видим ожесточенные споры вокруг таких вопросов, как, например, одиночное заключение, о котором пойдет речь в четвертой главе; в этих дискуссиях происходило сложное совмещение общих теоретических рассуждений, иные из которых восходили к столь занимавшей Циммермана монашеской традиции, и реального или воображаемого опыта обычных преступников. Точно так же – это будет показано в седьмой главе – невозможно понять и появление патологии одиночества в целом ряде социологических, психиатрических и медицинских исследований, не имея четкого понятия об основных особенностях демографии, структуры домашнего хозяйства и уровня жизни населения начиная с XIX века. Если же говорить шире, то сменявшие одна другую информационные революции – от «почты за пенни» до интернета – глубоко изменили представление о том, что такое уединение и что оно может представлять из себя в качестве коммуникативного опыта.

Вместе с тем уединение в его нижнем регистре остается темой третьестепенной. От Роберта Блумфилда и до нашего времени возможности временного ухода от общества находились и с удовольствием использовались. Филип Кох в работе «Уединение: философская беседа» пишет: «Одна из наиболее горячо прославленных добродетелей уединения – его способность предоставить укрытие от тяжких забот общественной жизни»¹²⁰. Это может иметь форму ухода от повседневной рутины на относительно продолжительное время, но чаще это всего лишь моменты, выхваченные из напряженных будней. Чаще всего и для большей части населения одиночество – это опыт, урывками добываемый в тех случаях, когда компания и ее отсутствие – равные и пересекающиеся возможности. Это будет центральным вопросом в третьей главе (о XIX веке) и пятой (о XX – начале XXI века). В то время как новейшие сторонники монашества и долгосрочной самоизоляции, о которых пойдет речь в шестой главе, порой представляют эти практики как форму духовного бейсджампинга, подвергающую психику риску длительного молчаливого самоанализа, более распространенная схема заключается в том, чтобы принять уединение просто как форму отдыха от работы и семьи. Как пишет Диана Сенешаль в своей «Республике шума», «уединение – прекрасный вид досуга. Быть одному – значит отдыхать, пусть даже недолго, от удовлетворения чужих ожиданий»¹²¹.

Нам нужно нечто, что можно было бы назвать тихой историей британского общества. Слишком мало внимания уделялось организуемому время от времени, зачастую безмолвным досуговым практикам, которые были и остаются жизненно важной частью жизни большинства людей в современном мире. Айра Коэн в книге «Одиночное действие: действуя наедине с собой в повседневной жизни» каталогизирует «многочисленные... общественные места, где мы обнаруживаем людей, занимающихся какой-то уединенной деятельностью», – наряду с «нашими домами, где в разное время дня люди оказываются одни или устраивают себе зону уединения, чтобы заняться домашней работой или отдохнуть в одиночестве», и отмечает, что «этот до сих пор полузакрытый ареал человеческого поведения» является «подходящим предметом для социологического исследования»¹²². То, что верно для настоящего, применимо и к прошлому. Социальные историки и, шире, социологи склонны сосредотачиваться на коллективных, шум-

¹¹⁹ Marx L. *The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America*. N. Y.: Oxford University Press, 1964. P. 4.

¹²⁰ Koch Ph. *Solitude*. P. 101.

¹²¹ Senechal D. *Republic of Noise*. P. XV.

¹²² Cohen I. J. *Solitary Action*. P. 2.

ных видах деятельности. Отчасти это связано со стремлением подчеркнуть сложность взаимодействия на всех уровнях общества, а не только среди образованных и привилегированных. В какой-то мере это связано с ощущением, что коллективная практика является локусом исторических перемен. А кроме того, играет роль проблема свидетельства. Блумфилдовский сын фермера, который наслаждался «нередким перерывом для покоя», не оставил об этом никаких свидетельств – равно как и усталая домохозяйка, ненадолго вышедшая на свежий воздух, чтобы отдохнуть в одиночестве. И даже в тех случаях, когда историки снисходили до рассмотрения увлечений простых людей, это, как правило, были шумные спортивные состязания и коммерциализированные массовые увеселения, которые оставили по себе след в виде письменных откликов и канцелярской документации¹²³.

Тем не менее существует ряд исторических источников, которые все же позволяют написать эту, пусть лоскутную, тихую историю. Богатый архив сформировало постоянное распространение сетевого уединения. Как мы увидим в следующих двух главах, с самого начала охватываемого этим исследованием периода одинокое времяпрепровождение порождало литературу (периодические издания и книги), обслуживавшую изолированные практики. Через год после появления трактата Циммермана в английском переводе начал выходить журнал *Sporting Magazine*, в котором среди прочего публиковалась информация об одиночных прогулках на большую дистанцию и на время – популярном элементе яркой игровой культуры той эпохи¹²⁴. С конца XVIII века и до наших дней чуткая и энергичная издательская индустрия производила материалы по быстрорастущему спектру частных способов времяпрепровождения. Наряду с ними существовали книги по наиболее заметным тихим развлечениям, таким как рыбалка и садоводство, хотя в них и нечасто затрагивался вопрос о широте народного участия. В последней четверти XIX века занимающиеся всеми возможными видами невидимых хобби – от вышивки до коллекционирования марок – стали объединяться в ассоциации, которые создавали собственные архивы и публикации. В более недавнем прошлом устные истории и общественные опросы расширили сферу своей компетентности, чтобы исследовать повседневную жизнь широких масс населения. Наконец, есть еще эксперты из мира повседневности – авторы мемуаров и художественных произведений. Соратник Роберта Блумфилда, превзошедший его в успехе у потомков, Джон Клэр, был одним из немногих писателей своего или любого более позднего времени, способных работать с уединением как верхнего, так и нижнего регистра; его стихи и проза станут нашей отправной точкой в следующей главе.

В критической вселенной Циммермана уединение, к добру или к худу, осознанно практиковалось лишь незначительной частью населения. Наиболее разительным изменением в современный период стало увеличение числа людей, сознательно выделяющих время для себя и никого другого. Их поведение – свидетельство как растущей потребности в восстановительном уединении, так и устойчивого влияния материальных и коммуникативных факторов. Как будет показано в седьмой и восьмой главах, сохраняющаяся и в некоторых случаях углубляющаяся бедность населения в эпоху позднего модерна наряду с растущим сокращением инвестиций в сферу государственных услуг грозит повернуть вспять эти изменения, порождая чувство кризиса в отношении к патологии неудачного уединения в форме одиночества. Вместе с тем цифровая революция последних лет исследуемого периода, по-видимому, приведет к существенному нарушению устоявшихся моделей сетевого уединения. Критическое уединение, поиск альтернативных форм духовной истины перед лицом разрушительных социальных отношений

¹²³ См., например: *Holt R. Sport and the British: A Modern History*. Oxford: Oxford University Press, 1990; *Malcolmson R. W. Popular Recreations in English Society 1700–1850*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; *Davies A. Leisure, Gender and Poverty*. Buckingham: Open University Press, 1992.

¹²⁴ См., например, биографию знаменитого пешехода мистера Фостера Пауэлла в: *The Sporting Magazine*. 1792. Oct. P. 7–15. Тот же журнал дал позднее выдержку из «Уединения» Циммермана в контексте практик, связанных с днем отдохновения, при дворе Людовика XV: *The Sporting Magazine*. 1794. Apr. P. 5.

характеризовались на протяжении всего этого времени бурным ростом, на который влияло ускоряющееся перемещение населения из сельской местности в города. Но, как будет показано в шестой главе, с поддержанием авторитета христианского уединения и святости природы как убежища от городской цивилизации возникало все больше трудностей. Спрос на них сохранялся, но во все более размытой и персонализированной форме.

Скачки «Талли-хо»

Посмертная жизнь «Уединения...» увела его далеко от истока. Книга «Циммерман об уединении» стала самостоятельным культурным явлением, во многом независимым от полного текста трактата¹²⁵. В течение XIX века она использовалась как символ, указывающий на некритическое превознесение ее предмета. Молодой человек или девушка, желавшие казаться серьезными и утонченными, старались, чтобы их видели с этой книгой, когда они гуляют за городом или же нашли себе место для спокойного чтения дома. Как и в случае с другими имевшими успех произведениями литературы, «Уединение...» присутствовало на отдыхе самого разного вида, включая скачки. В марте 1845 года трехлетний скакун мистера Уэсли, носивший кличку Уединение Циммермана, принял участие в скачках «Талли-хо» в Нортгемптоне и Питчли-Хант. Стартовав в прекрасном темпе, лошадь на первом повороте понесла, позволив своему сопернику Дегвиллю лидировать, обойдя ее на триста ярдов¹²⁶. В конце концов наездник вернул себе контроль над жеребцом. Газетный репортаж завершился словами: «Уединение, однако, наверстал упущенное время при подъезде к трассе и был побит лишь примерно на три корпуса»¹²⁷.

¹²⁵ Выходившие в XIX веке переиздания были основаны, как правило, на сокращенном французском переводе Ж. Б. Мерсье, в котором были опущены многие критические замечания об одиночестве.

¹²⁶ Дегвилль был так назван, предположительно, в честь Джеймса Харви Д'Эгвилля (ок. 1770 – ок. 1836), известного танцора и хореографа.

¹²⁷ The Era. 1845. 30 Mar.

2. «С одиночеством пойду»

Клэр, Китс и одиночество

Весной 1820 года Джон Клэр обсуждал с Джоном Китсом свою поэму «Одиночество». Встретиться лично им не удалось. В начале того года Клэр по приглашению своего издателя Джона Тейлора впервые в жизни приехал в Лондон. Он очень хотел увидеть Китса, с которым у него был общий литературный менеджер, но вышло так, что Китс был нездоров и не смог присутствовать на устроенном Тейлором ужине. Когда здоровье Китса немного улучшилось, Клэр уже вернулся домой в Хелпстон и, к своему большому сожалению, так и не увиделся с человеком, которым восхищался как поэтом и как «братом, странствующим по нелегкой дороге жизни, тем, чей взгляд улавливает порою дикий цветок, способный скрасить его одинокий путь»¹²⁸. После смерти Китса в Риме в феврале 1821 года Клэр написал сонет в его память.

Подобно всем остальным сочинениям, составившим в следующем году сборник Клэра «Деревенский менестрель», «Одиночество» было результатом упорной работы. Как автор объяснил в одном письме начала 1820 года, поэма «писалась урывками в период тяжелого труда прошлым летом»¹²⁹, и он с нетерпением ждал суждения Китса. Из-за невозможности личной встречи Тейлор организовал для двух своих молодых поэтов эпистолярную дискуссию¹³⁰. Он показал Китсу поэму из трехсот строк, а затем изложил его замечания в письме, на которое Клэр ответил. Тейлор сообщал, что «Одиночество» Китсу понравилось, однако у него есть сомнения насчет композиции: «Когда я прочел ему „Одиночество“, он заметил, что описание слишком перевешивает чувство. Но не огорчайтесь, это хороший недостаток, и потом, вы ведь знаете, мне нужно непременно что-нибудь вырезать – или „кончен труд Отелло“, как сказано в пьесе»¹³¹. Ответ Китса отражал его общий взгляд на творчество Клэра. В другом письме того же года Тейлор писал Клэру: «Думаю, он хочет сказать вам, что слишком часто ваши образы природы вводятся, не будучи вызваны каким-то определенным чувством»¹³².

Реакцию Китса понять нетрудно. Написание поэмы на эту тему было, вероятно, попыткой переписать «Элегию, написанную на сельском кладбище» Томаса Грея с точки зрения «пахаря»:

Колокол вечерний бьет
Похоронный дня уход,
Я ж, отдав свой долг труду,
С одиночеством пойду¹³³.

Далее дается подробное описание жизни среди полей, окружающих дом Клэра, которое отличают точные наблюдения о природе и экспрессивная местная лексика:

¹²⁸ Clare J. The Letters of John Clare / Ed. M. Storey. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 74.

¹²⁹ Ibid. P. 33.

¹³⁰ Goodridge J. Junkets and Clarissimus: The Clare – Keats Dialogue // The Keats – Shelley Review. 2011. Vol. 25. № 1. P. 35; Bate J. John Clare: A Biography. L.: Picador, 2003. P. 189; Roe N. John Keats: A New Life. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 365.

¹³¹ Clare J. The Letters of John Clare. P. 38.

¹³² Цит. по: Goodridge J. Junkets and Clarissimus. P. 44.

¹³³ Clare J. Solitude // Clare J. The Village Minstrel. 2 vols. L.: Taylor & Hessey, 1821. Vol. 1. P. 200.

Малой мышке лебеда
Пригодится для гнезда...
Сколько домиков вокруг
Разорит нечуткий плуг!¹³⁴

Время от времени Клэр посвящает несколько строк своей основной теме, прежде чем вновь вернуться к тому, что Китс назвал описанием¹³⁵. Трактровка одиночества основана на проверенных временем характеристиках гнетущего городского мира, от которого стремится сбежать поэт. Джеймс Томсон во «Временах года», оказавших глубокое влияние на Клэра, как и на всех других читателей и писателей из рабочего класса в начале XIX века, писал о «железном этом веке, / отребьях этих жизни»¹³⁶. Отозвался на тему и Питер Куртье, чья длинная поэма «Радости одиночества» имела успех на рубеже веков: «Как сладко, шумную презрев толпу, / Вдохнуть прохладу свежую лесов!»¹³⁷ Клэр, в свою очередь, нашел самую очевидную рифму для своей темы: «O thou soothing Solitude, / From the vain and from the rude» («О ты, Одиночество, успокаивающее / После тщеты и грубости»)¹³⁸. Для всякого амбициозного поэта одиночество было едва ли не обязательной к покорению вершиной, и Клэр, желавший быть признанным крупными писателями и их аудиторией, не мог проигнорировать такую возможность.

Существует, однако, и другой способ прочтения этой поэмы, сводящий составные части в одно целое, несмотря на периодические скатывания в рутинное «чувство». В первых строках тема определяется как процесс движения: «С одиночеством пойду». Эмоция – одновременно и нечто внешнее, сопровождающее Клэра, и продукт наблюдения на ходу. Как и в большинстве его стихов, повествование было и посвящено, и обязано писателю, прогуливавшемуся по дорожкам вокруг своего дома. Иногда предмет составляло само путешествие. В «Зарисовках из жизни Джона Клэра» Клэр описал начало своей жизни как поэта. По дороге на работу он перелез через стену Бургли-парка, чтобы почитать книгу вне поля зрения строгих соседей:

¹³⁴ Ibid. P. 202.

¹³⁵ Sales R. John Clare: A Literary Life. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 25.

¹³⁶ Thomson J. The Seasons [1726]. L.: John Sharpe, 1816. P. 13.

¹³⁷ Courtier P. L. Pleasures of Solitude: With Other Poems [1800; 3rd edn.]. L.: F. C. & J. Rivington, 1804. P. 19.

¹³⁸ Clare J. Solitude. P. 206.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.